

УДК 658.512 + 330.16 + 355.01

ГРНТИ 28.23.13 + 28.23.23 + 78.03.03

УНИВЕРСАЛЬНАЯ СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫМ ИННОВАЦИОННЫМ ПРОЕКТОМ ИЛИ КОНФЛИКТОМ

Денисов Александр Альбертович

Институт конструкторско-технологической информатики РАН

alex.kimstach@gmail.com

Опубликовано: Журнал «Национальная ассоциация ученых». Т. 1 (106), 2024. – С. 43-51. DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.106.955

Работа выполнена в Институте конструкторско-технологической информатики РАН 103055 г. Москва, Вадковский пер., д. 19, стр. 1-А на технологической, кадровой и информационной базе «Специальной информационной сети «Лабиринт», г. Москва.

Аннотация

Публикация посвящена универсальной схеме управления постиндустриальными инновациями и конфликтами. Использование предложенной схемы позволяет унифицировать все уровни управления общественным и экономическим развитием, а также общественными, экономическими, военными и политическими конфликтами в условиях постиндустриализма.

Ключевые слова

Постиндустриальное общество. Постиндустриальные инновации. Постиндустриальный конфликт. Универсальная схема управления. Унификация схем постиндустриального управления.

Резюме

Настоящая статья посвящена обобщению теоретических и экспериментальных исследований и разработок по созданию и внедрению универсальной схемы управления экономическим, политическим и военным развитием или конфликтом в постиндустриальном обществе. Прослежена историческая генеалогия перехода к постиндустриальному управлению от мифических богов к русским космистам, руководителям СССР и до современных вре-

мен. Публикация использует систематизацию практического опыта управления современными конфликтами в описываемой схеме.

Переход к постиндустриальному обществу, который мы наблюдаем сегодня и ярчайшими примерами которого служат, к примеру, массовое распространение ИИ или радикальная перестройка на опыте СВО методов и приемов ведения войны в связи с массивным внедрением беспилотной ударной техники, РЭБ или тактики пехотного боя – все это и многое другое не могло возникнуть «вдруг». И не могло иметь под собой один лишь новейший прогресс в технологиях производства высокотехнологичной продукции. Корни этих и множества других постиндустриальных изменений в нашей жизни лежат в середине 19-го века и связаны с фигурой русского космиста Н.Ф. Федорова (незаконно-рожденного сына князя Н.П. Гагарина).

Федоров впервые провозгласил всю совокупность лозунгов, реализованных или находящихся на различных стадиях реализации, в части массивного выхода в космос, трансгуманизма, радикального продления продолжительности жизни (в научно-технологической идеологии практического бессмертия), аплоудинга мозга и т.д.

У Федорова были выдающиеся последователи-практики, ставшие революционным ядром, обрушившим Российскую империю, организовавшим Октябрьскую революцию и построившим СССР. Перечислим лишь самых известных среди них. Инженер и революционер-террорист Н.И. Кибальчич; выдающиеся революционеры и руководители Советского государства А. В. Лануچارский, Л. Б. Красин, Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин. Первый исследователь влияния солнечной активности на земную жизнь и историю человечества А. Л. Чижевский; идеолог освоения космоса К. Э. Циолковский; главный конструктор советской космической программы С. П. Королев; главный идеолог и руководитель обширной программы НИОКР по глубокой модификации человека М. А. Суслов. И многие, многие другие.

Наследники космиста Федорова были объединены в сеть, обладавшую огромным влиянием как в СССР, так и за его пределами. Это влияние не исчезло с распадом Союза. Стоит лишь внимательно присмотреться к И. Маску, который неоднократно и в самых апологетических тонах выражался в адрес Королева – верного последователя Федорова и Циолковского. От Маска (незаконно рожденного потомка британского короля Эдуарда VIII) линии активных связей идут к новому президенту США Д. Трампу, надежным союзником и подчиненным которого является Маск.

Все эти и многие другие линии связей от Федорова и его последователей можно легко отследить из прошлого в современность по всему миру. Но Федоров был не первым

в истории космистом. Его «праотцом», как оказалось, являлся мифический бог Прометей – который, как показали новые открытия, хотел принести людям не огонь, как считается, а бессмертие. За что и был распят на горе Фишт – недалеко от российского г. Сочи. Рядом с этим местом в феврале 2012 г. состоялись Олимпийские игры, с которых начался процесс институционализации новой путинской независимости России.

При этом важно учесть, что Прометей – это греческое имя бога, у которого есть римский аналог: Ватикан. И как раз на холме Ватикан, на вершине которого в конце 19-го века еще находились развалины древнего храма, посвященного Ватикану, в результате ряда законов, подписанных Б. Муссолина, был выстроен нынешний город-государство Ватикан. А если в этой связи внимательно рассмотреть концепции социального строительства и воспитания человека, проводимые уже много столетий Орденом иезуитов, то мы увидим поразительное сходство с идеями Федорова, но выраженными в иных категориях и понятиях. Иными словами, нынешний папа Франциск (бывший аргентинский епископ-иезуит) тоже по факту является сторонником идей Федорова, т.е. русских и советских космистов.

Таким образом, переход к постиндустриальному обществу не просто был заложен трудами русских и советских космистов, но имеет своим корнями Подвиг Прометея во имя Человека. Став реальным воплощением в жизнь этой древней линии наследования Идеи и Действия. И тут возникает необходимость важного уточнения.

Создание принципиально нового общества предполагает решение ключевой методологической задачи: необходимо унифицировать базовую схему управления, распространив ее на все без исключения сферы деятельности и уровни постиндустриального управления – от штучного или микротоннажного производства до управления городскими агломерациями и национальными государствами. И далее – на уровень глобальной экономики и политики, а также управления войной и миром.

Последнее подразумевает, что вся система военного управления должна быть основана на единой схеме планирования и управления – от уровня тактического боя в окопах вплоть до операций оперативного и стратегического уровней.

Это значит, что управление всеми процессами на всех уровнях общественной организации должно быть переведено на одну общую схему, описанию общих контуров которой и посвящена настоящая публикации. С позиции социальной инженерии, теории управления и системного проектирования повсеместное внедрение в практику управления такой схемы и будет означать завершение перехода к постиндустриализму.

Уточним: в настоящей публикации идет речь не об оценке, прогнозе или теоретическом исследовании, а о систематизации *реального* опыта управления экономическими, политическими и военными конфликтами, основанного на описываемой ниже схеме.

1. Постановка задачи исследования

В [1] был рассмотрен главный дефект рыночного фундаментализма, который оказался сводимым к простому отсутствию надежных средств научного предсказания будущих конфликтов: их направленности, характера и интенсивности. Разрешение выявленной проблемы привело автора к формулированию нового варианта технологии информационно-аналитического обеспечения политического управления в условиях современного конфликта.

Этот вариант основан на методе траекторного управления производственным процессом (см., например, [2]). Существенными в работе [1] были два момента. Во-первых, была описана полная схема информационных операций управления постиндустриальным конфликтом. А во-вторых, предложенная схема прошла многолетние успешные апробации в реальных политических и военных конфликтах, что заставляет отнестись к ней внимательно.

В работе [3] был предложен другой фрагмент новой технологии управления постиндустриальным проектом/конфликтом, основанный на идее разделения двух зон технологических эффектов от воздействий, осуществляемых в процессе управления конфликтом:

1. зоны основного технологического эффекта;
2. зоны паразитного технологического эффекта.

Суть этого разделения можно проиллюстрировать следующим примером. Предположим, что для достижения определенных политических целей мы производим психоинформационные воздействия на поведение некой целевой группы людей. Это может быть социальная реклама, предвыборная кампания или стратегический саботаж. Обычно в расчет принимаются только результаты таких воздействий, то есть изменение поведения целевой группы. Но в реальных условиях целевая группа находится в непрерывном взаимодействии с большим количеством других групп людей, которых называют «стейкхолдерами». Последние обязательно будут обнаруживать на себе изменения своего собственного статуса в результате наших технологических воздействий на целевую группу. Это является прямым выражением того факта, что изменившееся поведение «нашей» целевой группы изменило и условия ее взаимодействия со стейкхолдерами.

Стейкхолдеры, обнаруживая вновь возникшие и неконтролируемые ими изменения своего собственного поведения, начнут оказывать встречное давление уже на нас самих, невольно рассматривая наши действия как агрессию и защищая стабильность собственного статуса. И это будет происходить несмотря на то, что мы вовсе не планировали проводить воздействие на эти «посторонние» для нас группы людей, сосредоточившись исключительно на своей целевой группе.

Основной технологический эффект при этом описывается как возникающие изменения в поведении целевой группы. А паразитный – как изменения в поведении ее стейкхолдеров. Неучет паразитных технологических эффектов приводит к самым плачевным результатам – и в войне, и в политике, и тем более в экономике.

Объединим обе вышеперечисленные новые технологии управления конфликтом в постиндустриальном обществе в полную схему траекторного управления постиндустриальным конфликтом. Это позволит достичь предельно возможной точности планирования и управления в условиях высокой неопределенности современных политических, военных и экономических столкновений.

2. Новые цели и задачи управления постиндустриальным проектом и/или конфликтом

Разделение зон основного и паразитного технологических эффектов влечет за собой ряд следствий. Первое из них было сформулировано в [1]: метрологическое обеспечение постиндустриального политического, военного или экономического проекта/конфликта должно обеспечить минимально достаточный уровень информации для *раздельного* управления динамикой развития обеих зон.

Но это – не единственное следствие. Второе важнейшее следствие состоит в необходимости по возможности максимально четко разделить *технологические воздействия* на основное и паразитное. При этом под технологическими воздействиями будем подразумевать любое целенаправленное осознанное влияние на будущие состояния объекта управления (конфликта). Это могут быть процедуры психологической войны или позитивной пропаганды/рекламы, агитации или социальной рекламы, эпизоды разведки, до-разведки и уничтожения целей противника, или этапы реализации инвестиционного плана развития производства абсолютно мирной продукции.

При этом до сих пор по умолчанию предполагалось, что обе зоны технологических эффектов возникают вследствие одного общего технологического воздействия. Просто, дескать, оно описывается моделью, связывающей искусственные условия и искомый эффект (явление) недостаточно точно.

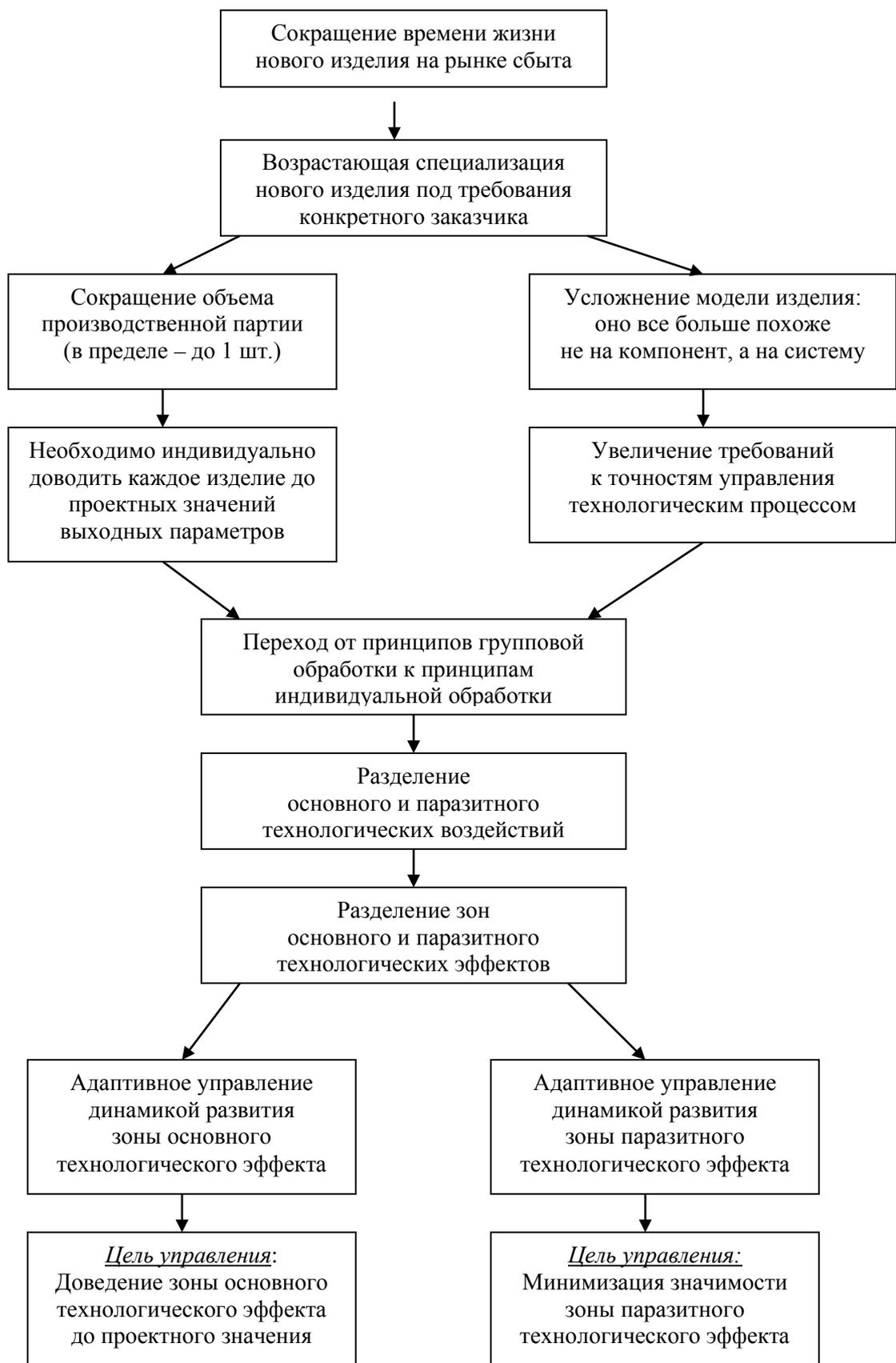

Рисунок 1. Новые цели и задачи управления постиндустриальным политическим, военным и экономическим конфликтом.

Это отчасти верно. Однако в моделировании управления – как управления технологическим процессом, так и управления постиндустриальным конфликтом – единую модель процесса (конфликта) целесообразно разделить на две отдельные, но самосогласованные системы моделей, описывающих два различных вида технологических воздействий: основного и паразитного.

Каждая из моделей будет связывать свою группу признаков, характеризующих создаваемые искусственные условия с возникновением основного или паразитного технологических эффектов. А оба имеют каждый свою собственную область локализации в пространстве и времени, создавая тем самым зоны основного и паразитного технологических эффектов.

Теперь логика следствий из разделения двух зон эффектов становится непрерывной, а создаваемые на ее основе системы управления постиндустриальным проектом и его метрологического обеспечения – внутренне самосогласованными и полными.

В итоге мы получаем логически непрерывную, как говорят технологи, сквозную систему алгоритмов (утверждений) и следствий, представленную на рисунке 1. В этой системе каждое следствие (рассматриваемое как порождающий алгоритм) является, в свою очередь, новым исходным утверждением (алгоритмом), порождающим теперь уже свое следствие (новый порождающий алгоритм) – и так далее.

Однако, глядя на представленную схему, может возникнуть вопрос: так о чем же идет речь? Об управлении постиндустриальным производством высокотехнологичных *изделий*, об управлении процессом производства новой *стоимости* (например, дисконтированного денежного потока или новой стоимости гудвила) или все же об управлении политическим или военным конфликтом?

В работе [4] было показано, что *любой* постиндустриальный проект (политический, военный или экономический) является по своему сущностному содержанию процессом создания стоимости гудвила на основе технологий управления поведением выбора.

Напомним, что рыночная стоимость бизнеса согласно российским и международным стандартам оценки и данным экономической науки, закрепленным 400 годами развития права Англии и Уэльса, складывается из суммы стоимости так называемых «чистых активов» и стоимости гудвила:

$$[\text{Рыночная ст-ть бизнеса}] = [\text{ст-ть «чистых активов»}] + [\text{ст-ть гудвила}]$$

Стоимость «чистых активов» есть совокупная стоимость материальных (здания, сооружения, оборудование и т.д.), нематериальных (патенты, лицензии и пр.) и финансо-

вых активов предприятия. То есть всего, на что можно оформить *права собственности* и, соответственно, отторгнуть – купить, продать, передать в пользование и т.п.

А стоимость *гудвила* (согласно праву Англии и Уэльса) – это совокупная стоимость *неотторжимых конкурентных преимуществ*, которыми обладает предприятие (или территория, страна), возникающих только в процессе его работы и создающих экстраординарную прибыль на инвестированный капитал. Говоря упрощенно, гудвил включает в себя все, что реально используется для производства прибыли предприятия или страны, но на что нельзя оформить права собственности. Например, коллективный конструкторско-технологический опыт коллектива предприятия или деловая репутация владельца и менеджмента и т.п., которые позволяют банкирам или страховщикам увериться, что выданные кредиты или инвестированные средства гарантированно вернутся с большим процентом, чем на остальных предприятиях отрасли. А поскольку оформить права собственности на репутацию или на работников предприятия нельзя, но они реально помогают получить более выгодные нормы прибыли, то именно по стоимостной величине гудвила капитал уже более 400 лет принимает решения об инвестициях.

Итак, гудвил – это экономическая категория, по которой инвестиционный капитал принимает решения о вложениях в данное предприятие или, наоборот, об уклонении от инвестирования, что мы привычно называем «бегством капитала» (если гудвил ниже 0 – его называют бэдвил).

Интересно, что в России до сих пор почти никто не работает с управлением стоимостью гудвила, хотя первый судебный прецедент по сделке купли/продажи предприятия с официальным использованием гудвила был зафиксирован в Британии в 1617 г. Собственно говоря, с введения в практику заключения договоров купли-продажи предприятий гудвила и начал развиваться капитализм. И именно по величине гудвила уже 400 лет принимаются решения, позволяющие концентрировать капитал и осуществлять экономические экспансии [5].

В этой связи примечательно, что по данным «большой четверки» (4-х ведущих оценочных компаний мира) до введения санкций против России и российских предприятий и банков стоимость гудвила крупных хозяйствующих субъектов РФ составляла примерно 28% от их рыночной стоимости. Иными словами, в российской экономике наблюдалась устойчивая пропорция: 72% стоимости – чистые активы, 28% – гудвил. К счастью для зарубежных инвесторов и конкурентов, мало кто из владельцев русских капиталов и почти никто из топ-менеджеров российских предприятий этого не понимал. А потому продавали свои акции или весь бизнес целиком за бесценок.

3. Особенность постиндустриальных инноваций и нововведений в области политики и военного дела

Рассматривая в вышеназванном ключе постиндустриальные инвестиции в новые технологические знания (инновации), в [4] было проведено сравнение инноваций эпохи индустриального капитализма и постиндустриализма. До начала перехода к постиндустриализму все инновации происходили в вертикально интегрированных корпоративных производственных структурах, которые характеризуются длительными жизненными циклами на рынках сбыта производимой ими продукции. Так во второй половине 19-го века были созданы германская химическая и металлургическая промышленность [6], в первой половине 20-го века – сперва российский, а затем советский военно-промышленный комплекс, атомная, авиационная и другие промышленности США, и т.д. Это были конвейерные массовые производства.

В то же время практически все современные инновации связаны с биотехнологиями, электроникой, программированием и т. д., то есть с внедрением новых технологий производства продукции с коротким жизненным циклом.

Разница в длительностях жизненных циклов изделий на рынках сбыта в первую очередь приводит к тому, что современные инновации становятся мало отличимыми от венчурного инвестирования, то есть от инвестиций в нулевой или начальный цикл развития предприятия.

Короткий жизненный цикл продукции на рынке требует под новую материальную технологию производства продукции всякий раз создавать и совершенно новую организацию, новый рабочий коллектив [4]. В этом случае основным стоимостным критерием становится гудвил. Не стоимость материальных или нематериальных активов, не дисконтированный денежный поток, а именно *гудвил*. Поскольку в экономической категории гудвила отражается качество трудового коллектива и владельцев развивающегося бизнеса, а также их способность влиять на мнение об этом бизнесе со стороны стейкхолдеров предприятия.

Таким образом, управление постиндустриальным инновационным проектом предстает в виде *управления производством стоимости гудвила*. Это его экономическое содержание.

С другой стороны, технологическое обеспечение постиндустриального инновационного проекта ни в коем случае не определяется материальной технологией, которая служит основой производства новой продукции и ради которой, казалось бы, создается данный проект. Поскольку мы определили, что экономическое содержание постиндустри-

ального инновационного проекта – *не производство новой продукции или прибыли/денежного потока*, а производство стоимости гудвила.

Общей экономической особенностью постиндустриальных производств с коротким жизненным циклом продукции является высокая или определяющая доля в себестоимости единицы продукции 4-х видов решений: конструкторских, дизайнерских, технологических и репутационных.

Решений – вот самое важное!

Преобладание в себестоимости единицы продукции стоимости создания различных видов *решений* означает, что и основой технологического обеспечения любого постиндустриального инновационного проекта становятся не материальные технологии производства продукции, а *технологии* (адаптированные под условия деятельности предприятия и текущие особенности рынков сбыта алгоритмы) *производства новых решений*. А они, в свою очередь, все без исключения основываются на технологиях управления поведением выбора.

Таким образом [4]: *управление инновационными процессами и конфликтами в постиндустриальном обществе есть управление производством стоимости гудвила на основе технологий управления поведением выбора.*

Принимая во внимание, что политика есть концентрированное выражение экономики, все постиндустриальные конфликты в конечном итоге будут в той или иной мере приобретать основные признаки постиндустриальных инноваций. Однако какую бы цель они не имели, какую бы новую высокотехнологичную продукцию в таком проекте (или в связи с конфликтом) не выпускали его создатели, к какой бы отрасли знания продукция, послужившая причиной конфликта, не относилась – к микроэлектронике, биотехнологиям, программированию или управлению военным конфликтом – в любом случае проект будем производством стоимости гудвила на основе технологий управления поведением. А конкретная продукция, политическая ситуация или итоги войны будут возникать как некий побочный продукт реализации этого «проекта» и измеряться в изменениях структуры стоимости гудвила.

4. Организмическая аналогия постиндустриального конфликта

При планировании и управлении постиндустриальными конфликтами *всегда* происходит искажение точки зрения на причину и цель/предмет конфликта. В реальном планировании экономического, политического или военного конфликта продукция, выпускаемая предприятием, отраслью или национальным сегментом экономики, либо военно-

политическая ситуация, вокруг которой развивается конфликт, перестают рассматриваться планировщиками как цель, превращаясь в побочный продукт активности.

В целом для всех, кто вживую сталкивался работой современных военных штабов, политических центров принятия решений или коммерческих организаций, уже давно стало непреложным фактом: работа ведется не для достижения конкретных целей, а ради самого факта деятельности.

В некотором смысле выражение «побочный продукт» здесь аналогично побочным продуктам индивидуальной биологической активности нашего организма, которым являются, извините за выражение, наши биологические выделения.

Менеджеры постиндустриального конфликта именно так и рассматривают то, ради чего, казалось бы, разворачивается инвестиционная активность и весь конфликт. Такой «побочный продукт» нужно куда-то вывозить, что порождает необходимость развития рынков сбыта, поиск новых заказчиков и так далее. Постиндустриальный конфликт начинает рассматриваться как самоценность, как своего рода способ и причина самовыражения, а его результаты – захват рынков сбыта, уничтожение локальных государственных образований и т.п., то, ради чего в индустриальном обществе велись войны – как «побочный продукт».

Для, если так можно выразиться, «нормального» индустриального производственника, финансиста, инженера (биолога, врача, программиста и пр.) или политика подобный подход глубоко отвратителен и оскорбителен. Но описанная выше организмическая аналогия предельно точно выражает существо управления постиндустриальным проектом/конфликтом и его психологию. В то же время на основе практического опыта подготовки рабочих групп нужно сказать, что она наиболее быстро расставляет нужные акценты при создании реальных систем управления конфликтом. Или не расставляет, если планировщик конфликта/развития утратил контроль над коллективом.

5. Полная схема траекторного управления постиндустриальным конфликтом

Теперь вернемся к схеме траекторного управления конфликтом, предложенной в работе [1] (рисунок 2). Однако, принимая во внимание необходимость разделения двух зон технологических эффектов и, соответственно, двух видов технологических воздействий, эту схему нужно модифицировать (рисунок 3).

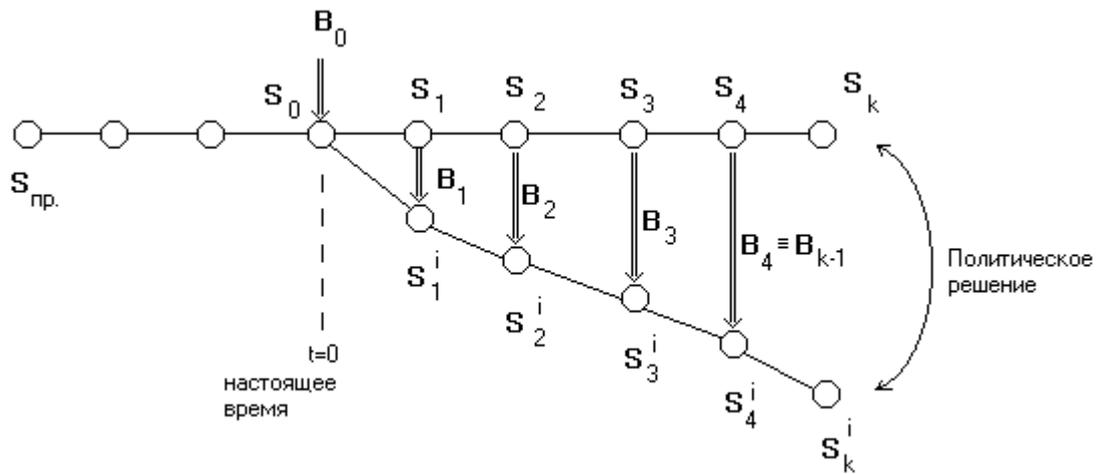

Рисунок 2. Условная схема структуры траекторного управления объективным процессом.

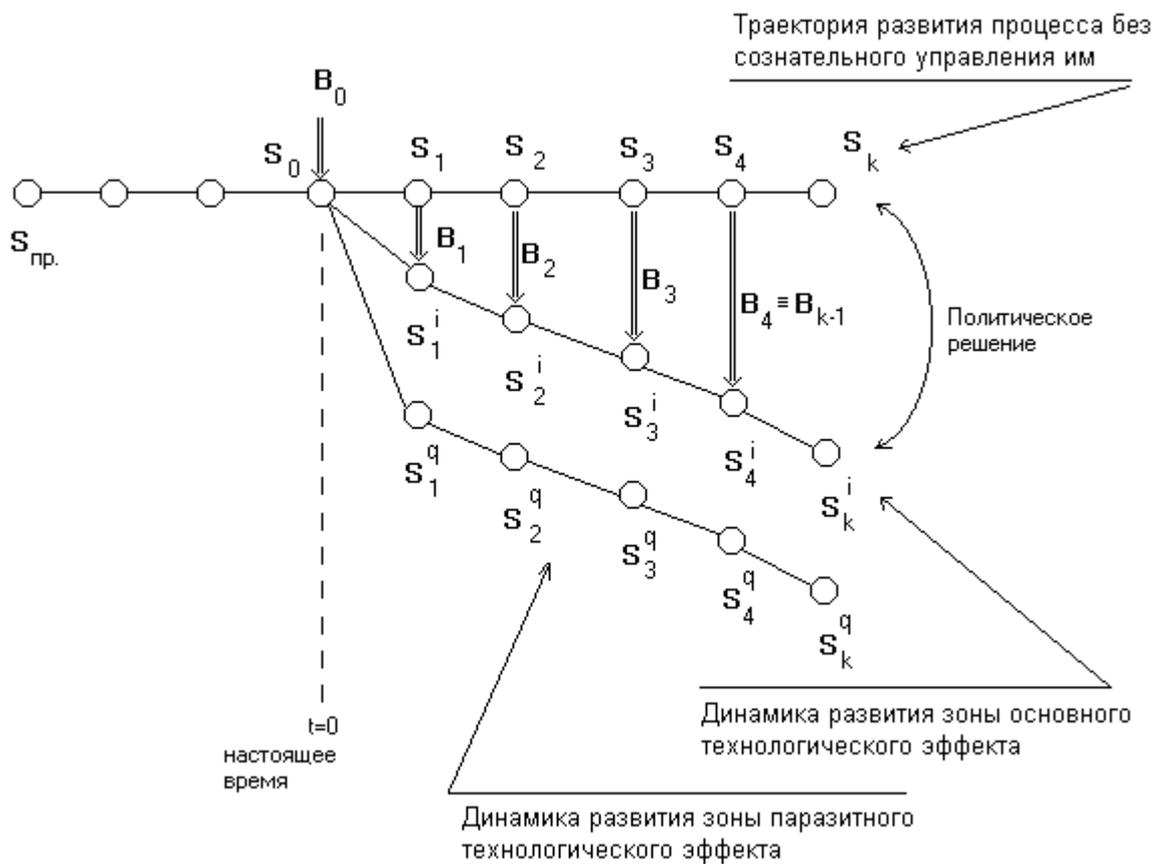

Рисунок 3. Полная схема траекторного управления постиндустриальным политическим, военным и экономическим конфликтом. Схема учитывает разделение зон основного и паразитного технологических воздействий.

Изучение модифицированной схемы траекторного управления постиндустриальным проектом приводит к ряду на первый взгляд неочевидных выводов. Во-первых, в данной схеме управления должно быть не одно, а два «политических решения». Одно направлено на выбор списка признаков конечного состояния проекта/войны, описанного только на основе динамики зоны основного технологического эффекта. А второе – на основе управления динамикой зоны паразитного технологического эффекта.

Выделение двух «политических решений» – очень важный вывод для управления конкурентной борьбой. Ведь широкий доступ к технологиям управлением поведением выбора, почти неконтролируемое распространение технологических знаний, методов корпоративного шантажа и стратегического саботажа, наконец, относительно легкий доступ к современным средствам разведки и мощному оружию позволяет осуществлять полноценное планирование и управление конфликтом не только в отношении своего собственного проекта, но и внешнего управления проектом конкурента. И кто в конкретном случае окажется «своим», а кто – «чужим», в общем случае предсказать невозможно. Понятием «свой» в равной степени может оперировать как благонадежный гражданин, наделенный общественными полномочиями и озабоченный стабильным развитием общества, так и террорист, социопат или уголовный преступник.

Причем для управления «своим» проектом нужно исходить из априорного предположения, что и конкуренты будут использовать тот же самый подход к планированию и управлению. Значит, применительно к подавлению конкурентов или военного противника необходимо и достаточно реализовать планирование и управление развитием проекта-конкурента на основе принятия второго политического решения, то есть стимулировать его управление его же собственными менеджерами по траектории зоны паразитного технологического эффекта. А свой собственный проект – по траектории зоны основного технологического эффекта. При этом защищая своих сотрудников, менеджеров, членов Совета директоров или военных командиров от аналогичных действий со стороны конкурентов (противника).

В индустриальном проекте, основанном на принципах групповой обработки и на длительном жизненном цикле изделия на рынке сбыта, траектория $S_0 \rightarrow S_K$ не имеет никакого смысла, так как технология, например, уже построенного завода должна функционировать исключительно по траектории зоны основного технологического эффекта, то есть по траектории $S_K \rightarrow S_K^i$. В политике этот же эффект достигается путем максимизации роли национального государства и его специализированных организаций, что мы привыкли идентифицировать как достижение национального суверенитета.

С практической точки зрения это означает, что для осуществления индустриального проекта нет необходимости в регулярном научном предсказании будущих состояний объекта управления, например, завода. Для постиндустриального же проекта (конфликта) такая необходимость становится жизненно необходимой. Потому что всякий раз при переходе на новое изделие или к новой ситуации (кризису в экономике, неожиданному конфликту низкой интенсивности или политическому скандалу) вся структура проекта претерпевает кардинальные изменения.

В этом случае без эффективного научного предсказания будущего конечного состояния S_k становится невозможным принятие «политического решения», а без предсказания траектории $S_0 \rightarrow S_k$ нельзя спланировать последовательность технологических воздействий $[B_1 + B_2 + \dots + B_{k-1}]$ и оценить эффективность управления.

Иными словами, при управлении постиндустриальным конфликтом эффективность и реальное управление привязываются к будущему, конечному состоянию S_k . В индустриальном же проекте – к условному состоянию проекта в прошлом. По этой причине развитие любого индустриального проекта всегда сопоставляется с каким-то прошлым периодом. Например, сравнивая с прошлым годом, или с каким-то месяцем прошлого года, или с прошедшими 5 годами, и так далее.

Таким образом, постиндустриальный проект (конфликт) *всегда* сравнивается с тем, что было запланировано на будущее. Например, сколько недополучено прироста стоимости акций по сравнению с запланированным на конец данного отчетного периода и как это повлияет на дальнейшее развитие проекта. Или – смог ли лидер достичь реальной цели своего правления или только сохранил «стабильность». Для индустриального конфликта последнее является позитивным результатом, как, например, результат так называемого «брежневского застоя». А для постиндустриальной эпохи конфликтов сохранение «стабильности» как результат, например, «путинской эпохи» являлся бы выражением политического провала. Хотя с точки зрения обычного человека «путинское время» было временем необходимой передышки после кошмара 90-х годов, без нее люди в массе своей просто бы «не выдержали».

Таким образом, схема, показанная на рисунке 3, является ключевым элементом планирования и управления *любым* конкурентным столкновением в постиндустриальном обществе. То есть является универсальной схемой управления любым постиндустриальным проектом или конфликтом.

6. Литература

1. Денисов А.А. *Новая комплексная технология информационно-аналитического обеспечения политического управления.* // Материалы конференции VIII международного форума «Высокие технологии XXI века – 2007». Москва, 23-26 апреля 2007 г. – С. 285-288.
2. В.С. Сироткин, Ф.П. Пресс. *Управление технологическими процессами производства полупроводниковых приборов.*// М., «Энергия», 1979.
3. Денисов А.А., Денисова Е.В. *Подавление циклов Бойда: Новый принцип управления военными и политическими конфликтами.* // «Информационные войны», №2, 2010. – С. 2-14.
4. Денисов А.А., Денисова Е.В. *Постиндустриализм: проблемы и задачи новой кадровой политики.* // Экономические стратегии, №3 (69), 2009. – С. 64–71.
5. Сметанин А.М. *Оценка гудвила в принятии финансовых решений.* // http://www.smartcat.ru/p_finance/books/book_110/Page1.shtml
6. Р. Сесюли. *ИГ Фарбениндустри.* / Пер. с англ.// М., Госиздательство иностранной литературы. 1948 г.